

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

12

Москва
Санкт-Петербург
2015

А. В. Сиренов (СПбГУ)

**ПРИПИСКИ О ПОМИНАНИИ
АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО НА ГРАМОТАХ
ВЛАДИМИРСКОМУ УСПЕНСКОМУ СОБОРУ**

При рассмотрении вопроса о начале церковного почитания Андрея Боголюбского наше внимание привлекла пергаменная жалованная грамота Ивана IV клиру владимирского Успенского собора 7058 г., то есть 1549/50 г. (РНБ. Ф. 532. Основное собрание актов и грамот. Оп. 1. № 134). В ней идет речь об увеличении руги (казенного содержания), получаемой соборным клиром.¹ В конце грамоты другим, то есть отличным от основного, почерком и сажевыми чернилами (в отличие от железо-галовых основного текста) сделана приписка о ежегодных выплатах деньгами и хлебом из Боголюбовского монастыря в Успенский собор за поминание Андрея Боголюбского (ил. 1). Первоначальный текст грамоты заканчивается на инициале «А»: «...велел есми протопопу Мартыну з братьею... то подымное за рекою за Клязьмою збирати... и со всех без омены, чей кто ни буди, со всего Володимерского уезду, которые живут за рекою за Клязьмою, з двора по деньге. А». Этот инициал «А» является первой буквой последней части грамоты, остальные буквы которой приписаны другими почерком и чернилами: «[А] велел есми давать по князе Андрее из Боголюбова монастыря протопопу Мартыну з братьею по два рубли денег, хлеба ржи и овса по двенадети чети. А дана сия грамота на Москве лета 7000 пятьдесят осмаго». Последние слова приписки представляют собой традиционную для жалованной грамоты статью

¹ *Сиренов А. В.* О грамоте Ивана Грозного Успенскому собору г. Владимира // *Историография и источниковедение отечественной истории. Сборник научных статей и сообщений.* Вып. 2. СПб., 2002. С. 27–34. Сокращенный вариант этой статьи: *Сиренов А. В.* Жалованная грамота Ивана Грозного владимирскому Успенскому собору 1550 г.: фальсификация и ее выявление оптическими методами // *Фотография. Изображение. Документ: Научный сборник.* Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 61–62.

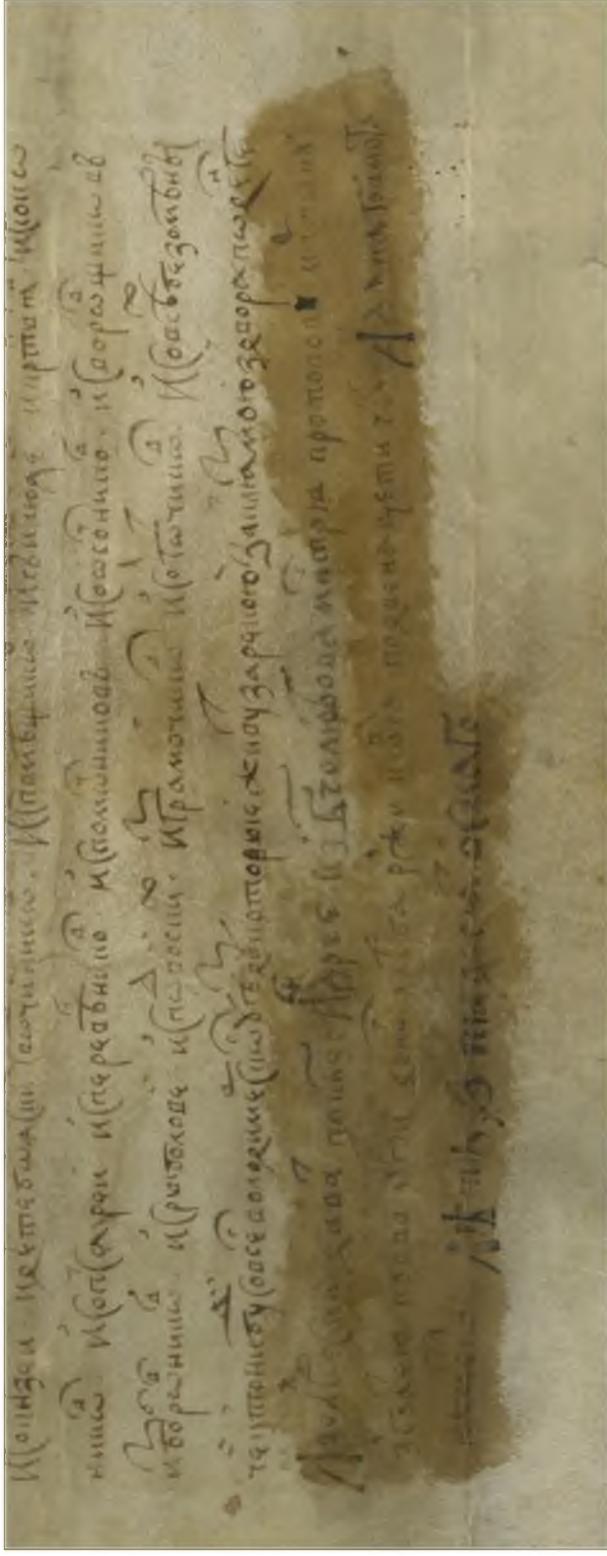
с указанием на дату и место выдачи документа. Полагаем, что изначальный текст грамоты не мог завершаться инициалом «А». Поэтому представляется наиболее вероятным, что на каком-то этапе бытования документа его последнюю статью (выходные данные) стерли, оставив только инициал, к которому приписали статью о поминании Андрея Боголюбского и восстановили текст стертой заключительной статьи.² Изучение приписки затрудняется тем, что почти весь ее текст покрыт маслянистым веществом, к которому прибегали в XIX в. для выявления слабо читаемых записей. При визуальном изучении записи нам показалось, что различимы стерты буквы первоначального текста. Сейчас приходится признать, что это могут быть и микротрещины пергамента, принятые нами тогда за остатки букв.

На невозможность выявить стерты текст под записью о поминании Андрея Боголюбского обратил внимание С. Н. Кистерев, подвергший критике наше предположение о частичной фальсификации грамоты в более позднее время.³ По мнению С. Н. Кистерева, приписка о поминании Андрея Боголюбского относится к тому же времени, что и основной текст грамоты, то есть к 1549/50 г. Получается, что основной текст грамоты первоначально заканчивался на инициале «А». Выдали документ во Владимире, где в то время был и сам царь, направлявшийся из Москвы в казанский поход. Перед окончательным оформлением грамоты в ней сделали приписку о поминании Андрея Боголюбского, снабдили необходимыми подписями, печатью и выдали соборному протопопу.

Итак, в отношении статьи о поминании Андрея Боголюбского в ружной грамоте 1549/50 г. высказано два мнения — противоположных, но не во всем. Бесспорным является факт приписки другим почерком и другими чернилами статей о поминании и о выдаче грамоты. Разногласия касаются времени, когда данная приписка была сделана: до выдачи грамоты или позднее. Во втором случае мы имеем дело с фальсификацией документа, что встречается редко и требует особой аргументации. Придерживаясь предположения о фальсифицированном характере записи, причину фальсификации видим в формировании в Успенском соборе реликвий, связанных с именем Андрея Боголюбского. С. Н. Кистереву такая точка зрения не показалась

² Рассматривая графику букв приписки, обратим внимание на необычное написание следующей за инициалом буквы «в». В других случаях она пишется угловато, а здесь — округло, совсем как верхний элемент буквы «д». Полагаем, что она переделана из буквы «д», а концовка грамоты изначально начиналась словами «А дана грамота...».

³ Кистерев С. Н. О значении применения новейших методов изучения жалованной грамоты Ивана IV Владимирскому Успенскому собору // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 9. М.; СПб., 2015. С. 3–15.

Ил. 1. Запись о поминании Андрея Боголюбского на грамоте 1549/50 г.

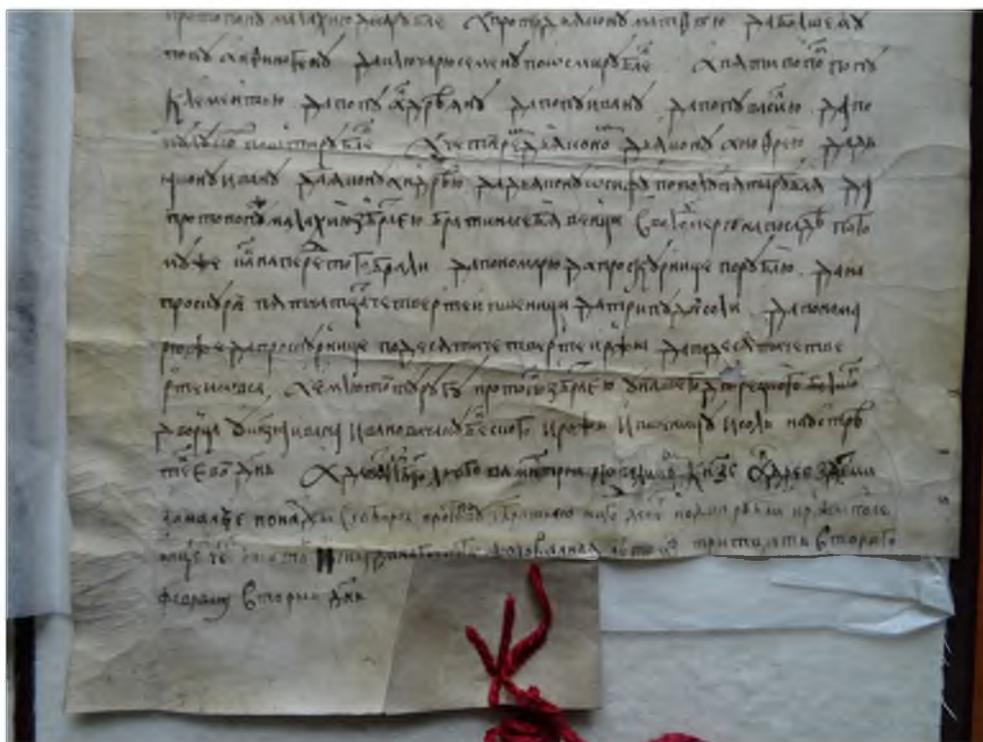
(РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Оп. 1. № 134).

Впервые воспроизведено: *Кистрев С. Н.* О значении применения новейших методов изучения жалованной грамоты Ивана IV Владимировскому Успенскому собору // *Вестник «Альянс-Архео»*. Вып. 9. М.; СПб., 2015. С. 10

убедительной. Запись подлинная, она относится к середине XVI в. — считает исследователь. Главный аргумент принадлежности записи к середине XVI в. С. Н. Кистерев видит в том, что эта же тема, поминание Андрея Боголюбского, отражена в более ранней ружной грамоте Успенскому собору, выданной в 1524 г. Василием III. Эта грамота также пергаменная, что само по себе редкость для XVI в. Замечательно, что ее текст, опубликованный еще П. А. Мухановым, но нами по недосмотру не привлеченный к исследованию, завершается статьей о поминании Андрея Боголюбского: «А давать из Боголюбова монастыря по великом князе Андрее с детми за малые понахиды в собор протопопу с братьею на год денег по два рубли и ржы по двенадцети чети, овса тож». Далее, как и в грамоте 1549/50 г., следуют данные о выдаче грамоты — 2 февраля 7032 г.⁴ Действительно, если оплата Боголюбским монастырем поминания князя Андрея фиксируется уже в грамоте 1524 г., то присутствие этого пункта в грамоте 1549/50 г. не может рассматриваться как фальсификат. Однако, обратившись к подлиннику грамоты (РГБ. Ф. 191. П. А. Муханов. № 76), видим, что статья о поминании Андрея Боголюбского и его сыновей, а также выходные данные грамоты написаны сажевыми чернилами, по стертому, и к тому же почерком, отличным от основного почерка грамоты (ил. 2). Перед нами та же ситуация, что и в грамоте 1549/50 г.! Текст грамоты 1524 г., написанный основным почерком, заканчивается на словах «...и пшеницу и соль на Устретеньев день». Далее основным же почерком написано «А да», и сажевыми чернилами продолжено «вать из Боголюбова монастыря...», причем явно по стертому. Видимо, первоначально грамота завершалась словами «А дана грамота сия...» — с указанием даты. Этот пункт стерли, оставив только первые три буквы, к которым приписали статью о поминании Андрея Боголюбского с сыновьями и в несколько перефразированном виде — концовку с датой: «И сия дана грамота жалованная лета 7000 трицать втораго февраля вторый день». Такой порядок слов («И сия дана грамота...») при формулировке выходных данных для жалованных грамот времени Василия III нам неизвестен. Как правило, писали «А дана грамота...», «А грамота дана...» или «Дана грамота...». Кроме того, наименование грамоты в выходных данных «жалованной» прослеживается только с царствования Бориса Годунова.⁵ Расположение приписки непосредственно над обрезом позволяет предположить, что она сделана уже после того, как грамоту скрепили печатью, что также не свидетельствует в пользу ее подлинности.

⁴ Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 599–600.

⁵ Имеем в виду такое обозначение грамоты именно в выходных данных. В других статьях грамоты XVI в. содержат наименование «жалованная» или «жалованная».

Ил. 2. Запись о поминании Андрея Боголюбского на грамоте 1524 г.
(РГБ. Ф. 191. П. А. Муханов. № 76)

Рассматривая вопрос о происхождении грамоты 1549/50 г., С. Н. Кистерев предположил, что ее основной текст писал чиновник низшего статуса, чем приписку о поминании Андрея Боголюбского. В отношении грамоты 1524 г. можно предположительно установить писца. Среди документов 10–30-х годов XVI в., вышедших из великокняжеской канцелярии, выделяется группа актов, написанных весьма индивидуальным почерком — архаичным, угловатым, с росчерками (РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 87 (1515 г.), РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 36 (1523 г.), РГБ. Ф. 303. № 835 (1540 г.)). Один из этих документов, духовная запись Василия III 1523 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 36), содержит указание на писца. Им был великокняжеский дьяк Г. Н. Меньшой-Путятин.⁶ Полагаем, что именно его руке принадлежит грамота 1524 г. Г. Н. Меньшой-Путятин был кем-то вроде личного секретаря Василия III. Он писал

⁶ Его подпись присутствует и на подручной записи 1528 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Рубр. II. № 11), а подтверждение его рукой написано на жалованной грамоте Василия III лопарям Вотской пятины (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 24).

письма великого князя к жене, духовную грамоту, упомянутую выше запись к духовной грамоте, участвовал в подтверждении жалованных грамот на имя Ивана IV в. в 1534 г.⁷ Едва ли жалованную грамоту, вышедшую из-под его пера, проверяли другие, более вышестоящие, чиновники.

Итак, в двух жалованных грамотах XVI в. владимирскому Успенскому собору присутствуют приписки о поминании Андрея Боголюбского. Представляется важным подчеркнуть, что первоначально их там не было. Они написаны иным почерком и чернилами, нежели основной текст грамот. Полагаем, что обе эти приписки связаны единством происхождения, на что указывает, кроме общей тематики, применение сажевых чернил, а также почерк. В обоих случаях почерк приписки старательно подражает основному почерку грамоты, но некоторые буквы писец пишет одинаково, например, «живете», «земля», «ять». Сознавая, насколько субъективными являются в настоящее время суждения о тождестве русских средневековых почерков, не настаиваем на непреложности высказанных наблюдений и предлагаем читателю ознакомиться с приписками по их воспроизведению (ил. 1 и 2). Установленным можно считать вторичность сведений о поминании Андрея Боголюбского в грамотах 1524 и 1549/50 гг., в первоначальном тексте которых упоминаний об этом не было. Важно определить, когда именно появились в обеих грамотах рассматриваемые приписки.

Несомненно ценным в статье С. Н. Кистерева является содержательный анализ двух рассматриваемых грамот. Они обе жалованные, и если содержание грамоты 1524 г. вопросов не вызывает, то грамоту 1549/50 г. типичной назвать нельзя. В грамоте 1524 г. идет речь об унификации доходов соборного клира, который до 1524 г. кроме небольшой денежной руги из владимирских налоговых сборов (10 руб. в год) получал доходы с великокняжеских сел Спасское и Горицы (10 руб. в год), с перевоза через Клязьму (30 руб. в год) и со сдачи в аренду Броднинского участка земли (3,5 руб. в год). Итого 53,5 руб. Эти сборы по грамоте 1524 г. великий князь заменил денежной и хлебной ругой. Денежную ругу соборные клирики стали получать в размере 84 руб. (протопоп — 10 руб., протодьякон, большой поп и ключарь по 8 руб., пять попов по 6 руб., четыре дьякона по 4,5 руб., пономарь и просвирница по 1 руб.). Хлебная руга частично шла на изготовление просвир (15 четвертей пшеницы и 3 пуда соли), а частично — на жалованье пономарю и просвирнице (по 10 четвертей

⁷ См. о нем, например: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 841–843.

ржи и по 10 четвертей овса). Оговаривался порядок получения руги — из Большого дворца раз в год на Сретение, то есть 2 февраля, в день выдачи грамоты. Факт пожалования, таким образом, налицо, поскольку выплаты из казны соборному клиру были существенно увеличены. На обороте грамоты видим ее подтверждение от 1 марта 1534 г., что свидетельствует о ценности данного акта для соборян и его актуальности до 1549/50 г., то есть до выдачи следующей по времени жалованной грамоты.

Грамота 1549/50 г. инициирована челобитной протопопа, в которой указывается, что на денежную ругу, закрепленную грамотой 1524 г., «без хлебные руги прокормитися не мочно». Имеется в виду не отсутствие хлебной руги вообще, поскольку она выплачивалась пономарю и просвирице, а желательность ее выплаты и соборным священникам. Кроме того, указывается, что ранее клир Успенского собора получал подымное, которое не было заменено ругой. Действительно, в грамоте 1524 г. подымное не упоминается. Просьба, с которой обращались к царю соборные священники, — выплачивать им, кроме денежной, еще и хлебную ругу. Здесь сталкиваемся с первой несообразностью в тексте грамоты. При перечислении доходов соборного клира, которые пожаловал Василий III, в грамоте 1549/50 г. пересказывается содержание грамоты 1524 г. Согласно этому пересказу, соборный ключарь получал 6 руб. руги, а из текста грамоты 1524 г. следует, что он получал 8 руб. Не приходится предполагать, что могла существовать еще одна ружная грамота Василия III, выданная позже, поскольку грамота 1524 г. имеет подтвердительную запись 1534 г.

В своем пожаловании Иван IV «придал... к их старой к денежной руге в денежные руги место... подымное по старине...». С. Н. Кистерев настаивает на точном следовании тексту документа. Получается следующая ситуация. В начале XVI в. клир Успенского собора владел селами Спасское и Горицы, получал доходы с перевоза на Клязьме, собирал подымное с заклызьменских сел и деревень, а также сдавал крестьянам в аренду Броднинский участок земли. Василий III забрал в казну соборные села, а взамен назначил клиру денежную ругу — 10 руб. от доходов с этих сел и 10 руб. с налоговых сборов по Владимиру. При этом сбор подымного был изъят из юрисдикции соборного клира без всякой компенсации. Суть пожалования 1549/50 г., по С. Н. Кистереву, состоит в возвращении права собирать подымное и в прекращении выплаты денежной руги. Таким образом, клир Успенского собора лишился почти всех источников дохода по сравнению с положением на начало XVI в. По подсчетам С. Н. Кистерева, для получения прежнего дохода соборянам следовало собрать подымное с 16000 дворов. Фактически же количество дворов должно

быть еще бóльшим, поскольку с 16000 дворов сборы подымного будут равняться 80 руб., а денежная руга соборного клира без учета доходов пономаря и просвирницы, о которых грамота 1549/50 г. не упоминает, составляла 82 руб. Кроме того, как справедливо отмечает С. Н. Кистерев, какой-то процент собранного нужно было заплатить местной администрации, чиновники которой только и могли технически осуществлять столь масштабное предприятие по сбору налога.⁸

Словом, грамота странная. Отсутствуют на ней и подтверждающие записи более позднего времени — свидетельство того, что соборные клирики не пытались продлить установленные в грамоте правоотношения.⁹ Полагаю, что содержание грамоты не столь очевидно. В распорядительной части грамоты сказано, что царь «придал... к их старой к денежной руге в денежные руги место... подымное...». Здесь усматривается второе противоречие: подымное могло быть либо «придано» к денежной руге либо дано вместо нее. Обратим внимание, что в чтении «денежные руги место» в слове «денежные» первые две буквы написаны по исправленному.¹⁰ Первоначально читалось слово «хлебные», но затем писец грамоты исправил его на «денежные». Возможно, сбор подымного предполагалось пожаловать вместо просимой хлебной руги. Таким образом восстанавливались все бывшие ранее статьи дохода соборного клира в денежном эквиваленте или в своем изначальном виде. Но в какой-то момент было принято другое решение, или же, скорее, просто была допущена ошибка. Сделанное писцом исправление привнесло в текст грамоты двусмысленность, допускающую разные толкования. Судя по документам XVII в., соборный клир в это время получал и денежную ругу, и хлебную, а подымное не упоминается вовсе.¹¹ Следовательно, был установлен такой порядок финансирования, которого добивались соборные клирики. В чем причина путанности изложения в грамоте 1549/50 г.? С. Н. Кистерев предполагает, что грамота была выдана во время пребывания Ивана IV во Владимире, где он останавливался с 3 декабря 1549 г. до 7 января 1550 г., двигаясь военным походом на Казань.¹² Возможно, именно походный характер делопроизводства повинен в столь небрежном составлении документа, который наспех сочинялся соборными клириками и наспех оформлялся царскими чиновниками. Когда же грамоту внимательно прочитали, стало оче-

⁸ Кистерев С. Н. О значении применения новейших методов... С. 5.

⁹ На это обстоятельство С. Н. Кистерев указал в личной беседе.

¹⁰ Кистерев С. Н. О значении применения новейших методов... С. 15.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. Оп. 7. № 2011, 2012, 2099, 2100.

¹² Кистерев С. Н. О значении применения новейших методов... С. 4.

видно, что практической пользы от нее нет. По этой причине ее и не представляли к подтверждению.

Обе грамоты хранились в соборе вплоть до секуляризации 1764 г. Так, они фигурируют в описи соборного имущества 1693 г.: «грамота великого князя Василья Ивановича всеа Руси 7032-го году о ружных денгах и о хлебе, писана на телятине; грамота царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России 7058-го году о ружных денгах, писана на телятине».¹³ Числятся они и в списке грамот владимирских монастырей и церквей, составленном чиновниками Коллегии экономии в 1765 г. Под № 184 в нем фигурирует грамота 1524 г.: «Граммата великаго князя Василия Ивановича всея России 7032 году о ружных денгах и хлебе, писана на паргамине, на обороте оной подпись его великаго князя Василия Ивановича всея России, на оной граммате внизу печать сургуча краснаго на шелковом шнуре, ветха»;¹⁴ а под № 185 — грамота 1549/50 г.: «Граммата царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России 7058 года о ружных денгах, писана на паргамине, печать сургуча краснаго, помята и с обеих сторон залеплена воском; снизу оной грамматы полтретьи строки последние писаны отменными чернилами; в конце подписано тако: диак Иван Михайлов, дворцовой диак Василей Мелентьев».¹⁵ Замечательно, что составитель описи обратил внимание на наличие приписки, выполненной чернилами, отличными от основного текста, по его выражению, «отменными». Следовательно, приписка на грамоте 1549/50 г. была сделана до 1765 г. После составления реестра документы церковных архивов были перевезены в Коллегию экономии. Обратимся к чернильным пометам скорописью XVIII в. на обороте обеих грамот: на грамоте 1524 г. читается «Володимер № 130» (исправлено из 134), «№ 32», а на грамоте 1549/50 г. — «№ 29». Подобные пометы присутствуют и на других документах, поступивших из Успенского собора в Коллегию экономии: на жалованной грамоте 1658 г. — «Володимер № 135» (написано вместо зачеркнутой цифры 139), «166», «№ 250-й» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2011), на указной грамоте 1658 г. — «№ 7», «Володимер № 136» (написано вместо зачеркнутой цифры 140), «№ 249», «166» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2012), на жалованной грамоте 1671 г. — «Володимерь № 138» (написано вместо зачеркнутой цифры 142), «№ 282-й», «9» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2038), на указной грамоте 1684 г. — «№ 206» (зачеркнуто), «Володимер № 152» (написано вместо зачеркнутой цифры 156), «№ 342-й»

¹³ РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Оп. 9. № 53. Л. 38 об.-39.

¹⁴ РГАДА. Ф. 280. Коллегия Экономии. Оп. 5. № 406. Л. 57 об.

¹⁵ Там же. Л. 57 об.-58.

(РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2099), на указной памяти 1684 г. — «Володимир № 150» (последняя цифра исправлена из цифры 4), «193», «№ 343» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2100) и др.

По всей видимости, обе пергаменные грамоты какое-то время хранились в Коллегии экономии, где им были присвоены номера — грамоте 1549/50 г. № 29, а грамоте 1524 г. № 32. После этого грамота 1549/50 г. перешла в собственность Ф. А. Толстого, а грамота 1524 г. еще некоторое время оставалась в архиве, где поменяла шифр сначала на «Володимир 134», а затем подобно и другим документам владимирского происхождения ее номер уменьшился на четыре единицы. После этого ее выкрали из архива и продали коллекционеру — П. А. Муханову. Таким образом, у обеих пергаменных грамот владимирского Успенского собора общая судьба: они хранились в соборе до секуляризационной реформы, после чего поступили в Коллегию экономии, а затем в разное время были похищены и перепроданы в частные коллекции, в составе которых поступили в рукописные отделы крупнейших библиотек.

Для нас в данном случае важно, что приписки на грамотах появились еще до поступления их в Коллегию экономии. Об этом свидетельствует описание грамоты 1549/50 г., сделанное до поступления документов в коллегию. На грамоте 1524 г. приписка менее выделяется из основного текста и потому не была распознана составителем реестра 1765 г.

Итак, приписки могли быть сделаны в промежутке между 1549/50 г. и 1765 г. Когда же именно? Первоначально мы полагали, что наиболее вероятным временем создания приписок является XVIII в., когда после канонизации Андрея Боголюбского в 1702 г. его стали почитать как в Успенском соборе, так и в Боголюбском монастыре. Сейчас нам представляется, что приписки могли появиться и в XVII в. Основания для этого предположения следующие.

В приписках идет речь о плате за панихиды. В нашем распоряжении имеется восходящая к царствованию Ивана IV «Выпись из панихидных книг», в которой назначены панихиды всем погребенным во владимирских храмах князьям, княгиням и епископам, в том числе Андрею Боголюбскому и его сыновьям Изяславу, Мстиславу и Глебу.¹⁶ Ни о какой плате за совершение панихид в документе речи не идет. В списках этой выписи второй половины XVII в. уже не упоминаются панихиды князю Георгию Всеволодовичу, канонизирован-

¹⁶ *Доброхотов В. И.* Памятники древности во Владимире Клязменском. Соборы кафедральный Успенский и бывший придворным в. к. Всеволода Дмитриевский. М., 1849. С. 61.

ному в 1645 г., что и понятно, ведь после канонизации церковное поминание сменялось церковным почитанием. В списках выписи XVIII в. отсутствуют панихиды Андрею Боголюбскому и его сыну Глебу, канонизированным в 1702 г.¹⁷ Это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании обычая петь панихиды над княжескими и епископскими гробницами. Поминание погребенных в соборе князей и епископов, вероятно, оплачивалось получаемой клириками ругой. Когда же могла появиться мысль, что за княжеские панихиды можно получать деньги? Обратим внимание на царскую указную с прочетом грамоту 1671 г. владимирскому воеводе кн. Н. И. Оболенскому и подьячему Р. Борзову, происходящую из архива владимирского Успенского собора.¹⁸ В грамоте предписывается выдавать ежегодно из владимирских кружечных сборов монастырям и ружным церквям, в том числе Успенскому собору и Боголюбому монастырю, панихидные деньги и воск на свечи. В грамоте указано, что панихидные деньги выплачивались с 177 г., то есть с 1668/69 г. По всей видимости, выплата панихидных денег связана с кончиной в 1668 г. царицы Марии (Милославской). Отметим, что до этого года панихидные деньги как статья дохода в документах владимирского Успенского собора не упоминаются.

Подводя итоги, подчеркнем, что поминание Андрея Боголюбского, о котором идет речь в двух древнейших грамотах владимирскому Успенскому собору, упоминается в приписках, сделанных после написания основного текста грамот. В грамоте 1524 г. отчетливо заметно, что приписка сделана по стертому. Представляется маловероятным, что обе приписки появились до выдачи грамот, соответственно, в 1524 и 1549/50 гг. Полагаем, что они связаны единством происхождения и датируются XVII в. — временем, когда пергаменные грамоты Василия III и Ивана IV не имели юридической силы, поскольку соборный клир получал ругу по документам более позднего времени. Пергаменные грамоты хранились в соборе как редкость. Именно в таком качестве их решили использовать при подготовке канонизации Андрея Боголюбского. На местное церковное почитание Андрея Боголюбского во второй половине XVII в. существует целый ряд указаний. Помимо приведенных нами ранее, укажем еще одно. В жалованной ружной грамоте 1658 г. Успенский собор назван следующим образом: «Пресвятая и пренепорочная и славная владычицы богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея

¹⁷ Шилов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1 // ЛЗАК. Вып. 22. СПб., 1910. С. 35–68.

¹⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2038.

Успения и чудотворного ея образа иконы Владимирския и нашего царского величества благочестивых святых и праведных сродник великих князей Георгия мученика и страдальца о благочестии и Андрея Боголюбского и чад его Мстислава и Изяслава и Глеба и прочих, которых в той соборной церкви телеса положены» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 2011). Отметим, что в приписке к грамоте 1524 г. предписывается оплачивать панихиды не только Андрею Боголюбскому, но и его сыновьям.

Подводя итоги, подчеркнем, что в обеих пергаменных жалованных грамотах владимирскому Успенскому собору, 1524 и 1549/50 гг., известие о поминании Андрея Боголюбского является припиской, сделанной почерком, отличным от основного. В грамоте 1524 г. эта приписка (ее первая строка) выполнена явно по стертому первоначальному тексту. Эти обстоятельства, а также приведенные выше соображения позволяют предположить, что обе приписки появились не при написании грамот, а позднее, когда грамоты не имели юридического значения. Если это так, то рассматриваемые грамоты следует относить (в части приписок о поминании Андрея Боголюбского) к числу неподлинных актов XVI–XVII вв.¹⁹

¹⁹ См.: *Мошкова Л. В.* Неподлинные акты XV — первой трети XVI в.: общее и особенное в приемах изготовления // ДРВМ. 2015. № 3. С. 89.